

Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности

Гришина Наталия Владимировна

Доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; grinat07@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется развитие представлений в области изучения среды и контекста существования человека; идеи К. Левина, лежащие в основе ситуационного подхода; объяснительные модели, существующие в психологии для описания взаимодействия человека с ситуацией. Фундаментальной характеристикой современной реальности является ее неопределенность. В качестве наиболее релевантного подхода ее изучения рассматривается подход к пониманию жизненного пространства как пространства возможностей человека. Идея активного субъекта, осуществляющего свой выбор в жизненном контексте, развивается отечественными учеными (субъектный подход, концепция надситуативной активности, экзистенциальный подход). Приводятся результаты исследований решений по изменению актуальной жизненной ситуации в зависимости от восприятия будущей ситуации с точки зрения ее возможностей или рисков. Отмечаются практические и прикладные возможности ситуационного подхода.

Ключевые слова: контекст, неопределенность, экзистенциальный подход, жизненное пространство, ситуационный подход

Одной из заметных тенденций развития современной психологии является возрастающее внимание к изучению контекста, связанное в том числе с признанием усиления влияния средовых и ситуационных факторов на жизнедеятельность человека.

Развитие идей, связанных с разработкой понятий и изучением контекста существования человека и становлением ситуационного подхода, имеет свою историю. Тема среды существования человека и средовых влияний на его поведение в той или иной форме присутствует во всех направлениях психологии с самого начала ее возникновения. Первоначальное понимание контекста существования человека фактически не отличалось от представлений обыденного сознания, четко разделяющего человека и окружающую среду: среда существования человека рассматривалась как некая совокупность внешних по отношению к нему условий, как нечто внеположенное субъекту и независимое от него, хотя и оказывающее влияние на его поведение и состояние.

Как известно, методологический прорыв в пересмотре традиционной оппозиции «личность — среда» принадлежит К. Левину.

К. Левин в своих работах дает новое решение фундаментальной методологической проблемы соотношения объективного и субъективного, внешнего и внутреннего мира человека. Левин описывает среду как воспринимаемую и переживаемую субъектом и тем самым преодолевает традиционную оппозицию «внутреннее — внешнее» в интерпретации источников поведения: он объединяет их, придавая «внешним», ситуативным факторам «внутренний», субъективный характер. В соответствии со своим пониманием принципов построения «новой» психологии Левин считал, что «переход от аристотелевских к галилеевским концептам требует, чтобы мы искали “причину” событий не в природе одиночного изолированного объекта, а во взаимоотношениях между объектом и его окружением... Каждая научная психология должна принимать во внимание целостную ситуацию, то есть состояние как человека, так и среды. Это предполагает, что необходимо найти методы описания человека и окружающих условий в общих терминах как частей одной ситуации. В психологии нет понятия, которое объединяло бы и то, и другое. Слово “ситуация” обычно используется для обозначения среды. В дальнейшем мы будем использовать термин “психологическое жизненное

пространство" для обозначения всей совокупности фактов, которые детерминируют поведение индивида в конкретный момент» [1, р. 10-12].

Оригинальность и новизна подхода Левина к изучению человека в контексте его существования резко контрастировали с доминировавшими исследовательскими подходами в психологии того времени, и его идеи не могли получить широкого распространения. Основными направлениями в работе психологов были персонологические подходы, которые акцентировали внимание на личностных особенностях как детерминантах поведения человека и зачастую замыкали личность в круг интрапсихических концептов и интерпретаций.

Сильным вызовом традиционным подходам, фактически игнорировавшим контекстуальные и ситуационные переменные, стала известная работа У. Мишела «Личность и оценка» (1968). Обобщение и сравнение результатов многочисленных исследований психодиагностического характера показали крайне низкую степень согласованности полученных в различных исследованиях данных, касающихся поведенческих проявлений, соответствующих личностным чертам. Этот результат вынудил Мишела сделать вывод о низком прогностическом потенциале исследований личности, исключающем возможность прогноза поведения, и поставить вопрос о его трансситуативной согласованности. Следствием проведенного анализа стало предположение о том, что «кросс-ситуативная согласованность поведения может являться исключением, а специфичность поведения — правилом» [2, с. 170— 171]. По утверждению Л. Росса и Р. Нисбетта, работа Мишела «до самого основания потрясла здание психологии личности», и эти потрясения, по их мнению, продолжали сказываться на психологии в течение десятилетий [там же].

Впечатляющим аргументом в пользу привлечения внимания к ситуационным влияниям стали драматические результаты экспериментов С. Милгрэма и Ф. Зимбардо, которые вызвали не меньшее потрясение и имели большой резонанс, вышедший, как известно, далеко за пределы психологического сообщества. Главный урок этих экспериментов состоял в том, что тип ситуации может определять поведение человека в большей степени, чем его личностные особенности.

Л. Росс и Р. Нисбетт обращаются к этой теме в своей знаменитой книге «Человек и ситуация», которая также в свое время была оценена как одна из важнейших психологических

работ десятилетия и считается самым сильным вызовом ситуационного подхода к современной психологии. В сущности, что подчеркивают сами авторы и что никак не умаляет их заслуг, они лишь возвращаются к идеям Курта Левина, приводя множество фактов и примеров, иллюстрирующих влияние ситуационных переменных на поведение человека. Называя Курта Левина основоположником ситуационного подхода, Росс и Нисбетт выделяют три главных принципа этого подхода: 1) принцип ситуационизма, утверждающий сильное детерминирующее влияние контекста; 2) принцип субъективной интерпретации, означающий, что воздействие любой ситуации зависит от личностного значения, придаваемого ей человеком; 3) принцип целостного изучения ситуации, предполагающий, что «научная психология всегда должна принимать во внимание целостную ситуацию, то есть состояние как человека, так и среды» [1, р. 12], а поведение должно выводиться из всей совокупности одновременно существующих фактов, имеющих характер силового поля, когда состояние одной части поля зависит от любой другой его части. Идеи ситуационного подхода и их обоснование побуждают к пересмотру традиционных представлений, основанных на личностных подходах.

Примеры ситуационной обусловленности поведения индивида многочисленны, разнообразны и впечатляющи. Излишне доказывать очевидную необходимость разработки тематики ситуационного контекста. Однако ни сама ситуация, ни ситуационный контекст, несмотря на их очевидное значение, в сущности, так и не стали самостоятельным предметом исследования в психологии, сохраняя статус факторов, влияющих на поведение и состояние личности.

Усиление внимания современной психологии к проблематике контекста связано с изменениями реальности последних десятилетий, которые не позволяют игнорировать влияние средовых и ситуационных характеристик на психологию людей.

С одной стороны, мы больше узнаем об их влиянии на человека как на уровне макроструктур и макроконтекстуальных факторов, так и на уровне «тонких» влияний. Сегодня психология, в первую очередь благодаря исследованиям в области нейронауки, располагает впечатляющими данными о влиянии средовых факторов на базовые, в том числе геномные, структуры, лежащие в основе поведения человека.

С другой стороны, есть основания предполагать, что имеет место и реальное усиление влияния средовых факторов на

человека. Так, ученые, работающие в смежных науках, высказывают соображения о возможном изменении паттернов наследования и генетической детерминированности, в частности о переходе от вертикального контура обмена информацией к горизонтальным процессам как более активным и эффективным. Также имеющиеся данные позволяют говорить об усилении влияния ситуационных факторов при росте неопределенности контекста. Исследования неопределенности и ее психологических последствий для человека демонстрируют экспоненциальный рост, а сама неопределенность начинает рассматриваться в качестве основополагающей характеристики современного мира [3]. Новые вызовы современности, прежде всего ее неопределенности и сложности, ставят перед психологами задачи поиска релевантных методологических и исследовательских решений, направленных на изучение того, как трансформируются ментальные картины мира людей, живущих в условиях нарастающей неопределенности и сложности мира, и того, как люди реагируют на эти изменения современности [4].

Интерес к исследованиям контекста, безусловно, возрастает, и их необходимость очевидна.

Главным остается вопрос о том, как изучение контекста и ситуационный подход могут использоваться для объяснения поведения людей.

В свое время Х.Хеккаузен [5], обобщая все возможные подходы психологии к объяснению поведения человека, свел их к четырем возможным вариантам.

Личностно-центрированный подход (теория свойств личности) опирается на представления об индивидуальных различиях в поведении людей в одной и той же ситуации и о стабильности проявлений личности в схожих ситуациях. Поведение выводится из особенностей личности, ситуация рассматривается как импульс к действию, актуализируя диспозиции «привычной готовности». Критика данного подхода обычно подвергает сомнению однородность поведения индивида по отношению к ситуациям и акцентирует внимание на том, что в схожих ситуациях поведение человека не так уж однотипно (как можно было бы ожидать исходя из детерминированности поведения человека исключительно имеющимися у него личностными диспозициями).

Ситуационно-центрированный подход (ситуационизм) опирается на представления об очевидной вариативности поведения человека, связанной с его отношением к ситуации и ситуационной мотивацией. Поведение выводится из свойств ситуации, что в первую очередь поддерживалось экспериментальными исследованиями, бесконечно варьирующими условия ситуации, в результате чего наблюдались и соответствующие вариации поведения.

Обе предложенные объяснительные модели стали основанием для различающихся направлений исследований, что позволило даже говорить о «двух дисциплинах научной психологии», одна из которых изучает индивидуальные различия людей и разрабатывает соответствующие методы измерения, а другая делает акцент на анализе эффектов, производимых внешними переменными [5, с. 20]. Однако очевидная односторонность этих подходов довольно быстро приводит к возникновению третьей объяснительной модели.

Взаимодействие индивида с ситуацией как объяснительный фактор поведения. Данный подход пытается синтезировать две ранее представленные точки зрения, находя для этого убедительные эмпирические аргументы: действительно, трудно не согласиться с тем, что в большинстве ситуаций поведение человека обычно обусловлено как личностными, так и ситуационными факторами. При этом понятие взаимодействия индивида с ситуацией означает, что поведение человека есть результат некоторого взаимовлияния его характеристик и особенностей ситуации, которые в результате непрерывного «взаимообмена» между ними влияют как на мотивацию и диспозиции индивида, так и на его оценку ситуации.

Несмотря на преимущества этого подхода, он, тем не менее, сталкивается с рядом трудностей развития, прежде всего с невозможностью строгого разграничения личностных и ситуационных факторов. Попытки исследования «чистых» ситуаций и создания ситуационных прототипов продемонстрировали всю сложность данной гносеологической проблемы: обыденное знание имеет дело со сложной единицей «человек-в-ситуации» и неспособно разделять ее на составные части, что отнюдь не означает ограниченность обыденного сознания. Научная психология — по крайней мере, в рамках данного подхода — также считает, что субъект и ситуация неразделимы, а взаимодействие индивида с ситуацией в

сущности представляет собой их взаимовлияние, взаимопроникновение.

Г. Вебстер [6] провел статистическое исследование частоты публикаций последних десятилетий, связанных с личностно-ситуационной дискуссией и личностно-ситуационным взаимодействием. Самый сильный рост обнаруживают публикации, посвященные моделям личностно-ситуационного взаимодействия, фактически объединяющим личностный и ситуационный подходы, что позволило автору сделать оптимистический прогноз относительно прогресса в этой области (рис. 1).

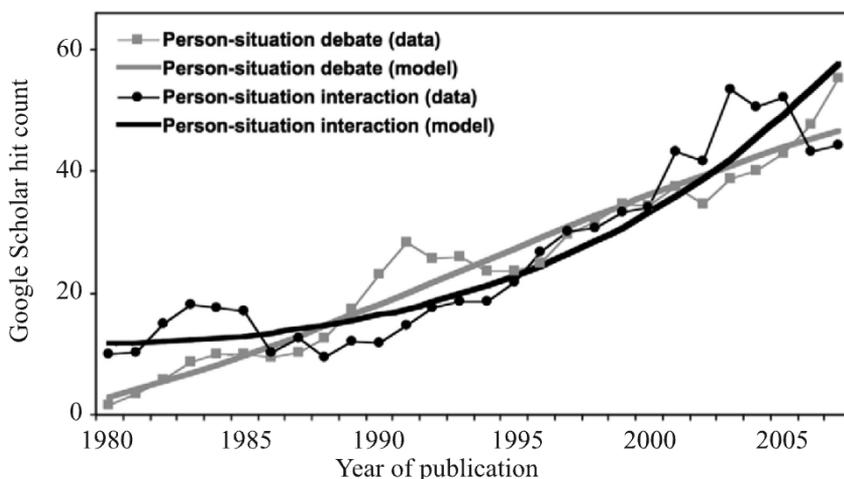

Рис. 1. Частотный анализ количества публикаций за 1978–2007 гг. по тематике личностно-ситуационного взаимодействия [6]

Обратимся, однако, к четвертому объяснительному подходу взаимодействия личностных и ситуационных переменных в поведении человека, который приводит Хеккаузен.

Возможности осуществления деятельности. Название данного подхода к пониманию взаимодействия личностных и ситуационных переменных в поведении человека заметно отличается от других. Объясняя смысл данного подхода, Хеккаузен отмечает, что он дает объяснение «не тому, почему производится определенное действие, а тому, почему оно не производится». Ответ на этот вопрос — «из-за недостаточных возможностей осуществления, вследствие ограниченности ситуационных, точнее, экологических характеристик жизненного окружения» [5, с. 32]. Акцент в данном подходе делается на ситуационных характеристиках жизненного

окружения, которые рассматриваются как возможности и ограничения осуществления деятельности. Длительный дефицит возможностей ограничивает развитие соответствующих личностных диспозиций и тем самым возможностей поведения. Представляя данный подход, Хеккаузен ссылается на введенное Баркером понятие «поведенческое поле», которое, согласно авторскому пониманию, определяет (ограничивает) поведение человека формами, соответствующими данному месту и времени, и не зависит от индивида. Приведенные Хеккаузенем пояснения — акцент на ограничениях и независимости «поведенческого поля» от человека — существенно снижают ценность сформулированного подхода к поведению человека в поле возможностей.

Каждый из описанных Хеккаузенем подходов имеет свои основания и релевантен для разного типа исследований поведения и решения задач поиска детерминант активности человека.

Вместе с тем если рассматривать более широкий контекст существования человека, то тогда в соответствии с представлениями об изменениях современной реальности, определяющих способы взаимодействия человека с окружающим миром, особого внимания заслуживает подход, предлагающий рассматривать контекст существования человека прежде всего как пространство возможностей.

Следует напомнить, что идея жизненного пространства как пространства возможностей человека была заложена уже К. Левином.

Психологическое жизненное пространство характеризуется Левином как множество возможных событий. И с теоретической, и с практической точки зрения важнейшей характеристикой ситуации является то, что возможно и что невозможно для человека в данной ситуации. Каждое изменение психологической ситуации человека означает, что определенные события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), сейчас являются «возможными» (или «невозможными»). И тогда задачей научной психологии становится понимание того, почему именно это поведение имеет место, а фокус интереса смещается от объектов к процессам, от состояний к изменениям состояния. Если жизненное пространство представляет собой совокупность возможных событий, тогда «предметы», которые входят в ситуацию,

особенно сам человек и психологические «объекты», должны быть охарактеризованы их связью с возможными событиями. В соответствии с этим поведение человека есть результат реализации им его актуальных возможностей в данном конкретном жизненном пространстве.

Изучение поведения человека через пространство его возможностей представляет особый интерес для современной психологии, по крайней мере для тех ее направлений и подходов, которые, в отличие от традиционной психологии, опирающейся на постулаты необходимости и детерминированности, делают акцент на возможности и самодетерминации [7].

Поиск способов описания и изучения жизненного контекста как пространства существования человека, пространства его возможностей (или ограничений), выбора им способов взаимодействия с окружающим миром осуществляется в разных направлениях.

Для отечественной психологии характерен акцент на активной, преобразующей роли человека в его взаимодействии с жизненным контекстом. Наиболее явным образом данный подход реализуется в субъектном подходе, становление и развитие которого связано с именами С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского. основополагающий вклад С. Л. Рубинштейна в развитие идей в данной области

был сделан с помощью введения в научный дискурс психологии категории «мир». Бытие, по Рубинштейну, есть нечто, существующее независимо от человека, однако включение человека в бытие преобразует его, придает ему новые значения и смыслы. Бытие начинает выступать как мир человека, соотноситься с человеком как его часть и продукт его развития. Человеческое бытие становится таковым в силу человеческой активности, способной изменять бытие [8]. Субъектный подход нашел свое продолжение в работах В. В. Знакова, посвященных психологии человеческого бытия; им, в частности, описаны способы понимания человеком окружающей действительности как способы его взаимодействия с миром [9,10].

Как возможный вклад в исследование жизненного контекста как пространства возможностей может рассматриваться концепция надситуативной активности В. А. Петровского, в которой сформулированы представления о выходе активности человека за пределы необходимого, прагматически адаптивного поведения, о его способности к выходу в сферу возможного, в сферу созидательности как надситуативной активности [11].

Особая роль в рассмотрении контекста существования человека как пространства реализации его возможностей принадлежит экзистенциальной психологии. Базовым постулатом экзистенциальной философии, принятым экзистенциальной психологией, является представление о том, что человек существует не в мире необходимости, но в мире возможностей и пространстве выбора.

Экзистенциальная психология является ответом на очевидную необходимость выхода психологической науки на новый уровень описания проблем человека, его взаимоотношений с окружающим миром. Потребность в этом обусловлена нарастающим осознанием того, что традиционная психология не может объяснить феномены, выходящие за пределы «заданности», личностными и ситуационными характеристиками.

По признанию ученых, все более явной и определяющей характеристикой человеческого существования становятся вызовы неопределенности. Именно неопределенность «выступает тем “полем” взаимодействий, на котором разворачивается активность человека, отвечающего вызовам как конкретной ситуации, так и, в более широком контексте, собственной судьбы» [12].

Неопределенность и непредсказуемость будущего сопровождаются тревогой, которая в экзистенциальной философии и психологии считается нормальным атрибутом человеческого существования. Мир все более обретает черты, свойственные экзистенциальной картине мира.

В этом смысле экзистенциальное мировоззрение созвучно изменениям современной реальности и представлениям о неопределенности современного мира как его фундаментальной характеристике. Д. А. Леонтьев отмечает, что «суть экзистенциального мировоззрения состоит в отношении к жизни как к тотальной неопределенности, единственным источником внесения в которую определенности выступает сам субъект» [3].

Понятие неопределенности связано с понятием возможного, неопределенность означает наличие альтернативных возможностей. Неслучайно, что понятие жизненного выбора является одним из центральных понятий экзистенциального подхода, который предлагает свое описание взаимодействия человека с миром, делая акцент на вызовах неопределенности и выборе своего бытия.

Таким образом, разные подходы современной психологии сходятся в своем интересе к рассмотрению жизненного пространства человека как пространства его возможностей и выборов, что является методологическим основанием развития идей ситуационного подхода для изучения жизненного контекста человека.

Развитие и оформление идей ситуационного подхода сталкивается с рядом трудностей. Одной из них является проблема языка описания. Так, даже понятие ситуации до сих пор не имеет в психологии терминологической определенности. Выражение «взаимодействие человека с ситуацией» также является неточным, речь, как уже отмечалось, идет скорее о некоем взаимовлиянии, взаимопроникновении.

Изучение ситуаций сталкивается с рядом гносеологических проблем. Общая логика взаимодействия человека с ситуацией предполагает выстраивание им когнитивных гипотез, их проверку, «подгонку» под имеющееся знание, результатом чего становится квалификация («определение») ситуации, запускающая соответствующие ситуации формы активности. Однако исследовательские сложности, как уже отмечалось, связаны с тем, что обыденное знание не организовано вокруг таких единиц категоризации, как «люди» и «ситуации», но представляет собой «нерасчлененное знание в головах», некую слитную единицу описания — «человек-в-ситуации».

Еще одно требование к разработке идей ситуационного подхода связано с необходимостью изучения реального жизненного контекста. Следует признать, что эмпирические основания развития ситуационного подхода могут быть получены только в результате «полевых» исследований, выполненных в реальном жизненном контексте.

В течение последних лет нами была выполнена серия исследований, в центре внимания которых были изменения реальных жизненных ситуаций людей (в связи с переездом на учебу в другой город или предложениями, полученными в связи с рабочей ситуацией). Общие результаты этих исследований свидетельствуют, что видение ситуации будущего — как следствия изменения актуальной ситуации — оказывает влияние и на принятие решений в пользу изменения жизненной ситуации или сохранения ее неизменной, и на переживание происходящих изменений. Так, оценка ситуации будущего в терминах неопределенности и риска или в терминах новых возможностей оказывает влияние на принятие решений об изменении

жизненной ситуации или отказе от изменений; оценка ситуации будущего в терминах неопределенности и риска порождает тенденцию к консервации и неизменности, а оценка ситуации будущего в терминах возможностей ведет к поиску нового; для принимающих решение в пользу изменения ситуации большую роль играли возможности нового контекста, для отказывающихся от перемен — сдерживающие факторы и др. При принятии решений об изменении жизненной ситуации значимую роль играют жизненный опыт (ранний опыт изменения жизненной ситуации и более раннее начало самостоятельной жизни) и направленность личности (ценностные ориентации). В целом, проведенные исследования свидетельствуют в пользу подхода к изучению изменений жизненных ситуаций как выходу в сферу возможного [13].

Помимо исследовательских приложений ситуационный подход обладает практическими и эмпирическими возможностями.

Практические возможности связаны с применением ситуационного анализа к изучению условий жизненной среды и жизненного контекста людей. Примером такого практического использования ситуационного подхода было проведенное нами изучение жизненного сценария женщин, наблюдавшихся в условиях кризисного центра. Анализ их жизненных историй позволил выявить логику развития событий, приведших к возникновению критической жизненной ситуации. Изменения жизненного контекста проходили через критические точки — точки выбора, приводившего к изменению жизненной ситуации. Деструктивный жизненный сценарий представлял собой последовательность сменяющих друг друга жизненных ситуаций, перемежающихся критическими точками выбора, которые вели к возникновению ситуации саморазрушения, невозможности самостоятельного ее изменения и обращению в кризисный центр [14].

Прикладные возможности ситуационного подхода связаны прежде всего с модификацией средового контекста и ситуаций, направленной на создание условий, обеспечивающих требуемый эффект. Это может касаться как организации пространства в целом (например, создание образовательной или развивающей среды), рассчитанной на пролонгированное воздействие, так и модификации ситуаций по принципу «здесь-и-сейчас» для решения специфических задач. Примерами последнего могут быть ситуации тренинга со специально вводимыми правилами взаимодействия участников, благодаря чему создается особая

атмосфера в группе, или известная процедура «мозгового штурма». Принцип модификации ситуации состоит в достижении ее целостной трансформации за счет изменения ее базисных черт, что влечет за собой соответствующие изменения в поведении и взаимодействии участвующих в ситуации людей. В частности, на этих методологических основаниях построена практика медиации — переговорная практика с участием «третьей стороны». Медиатор, используя специальные приемы и техники, способствует трансформации ситуации противостояния (конфронтации) в ситуацию сотрудничества, что обеспечивается изменением правил взаимодействия [15].

Таким образом, обсуждение ситуационного подхода и его возможностей позволяет прийти к следующим выводам.

В современной психологии происходит очевидная трансформация традиционной парадигмы «личность — среда». Основаниями новых тенденций и подходов в рассмотрении взаимодействия человека со средой, его существования в мире являются изменения современной реальности. Разнообразные ракурсы обсуждения данной темы в научной литературе сходятся в признании неопределенности в качестве фундаментального вектора происходящих изменений. Именно неопределенность становится основополагающей характеристикой современного мира.

Соответственно кардинальным образом меняются и способы взаимодействия человека с окружающим миром. Возрастает активность самого человека, конструирующего свою жизнь в неопределенном мире, исполненном вызовов сложности и разнообразия.

Отношения человека с окружающим миром, в сущности, представляют собой воплощение себя в формах и отношениях жизни. Разнообразию возможностей соответствует разнообразие способов отношений с миром, индивидуальные различия между людьми все в большей степени становятся связаны со способами организации жизни. Соответственно избираемые нами способы взаимодействия с окружающим миром в условиях множества его возможностей и вариантов выбора начинают определять нашу сущность, что заставляет вспомнить один из базовых постулатов экзистенциальной психологии, утверждающий, что существование предшествует сущности. Мы выбираем свой способ бытия в мире, и этот наш выбор, в свою очередь, определяет нашу сущность. Реальность сегодняшнего дня ставит человека перед жизненным выбором, тем самым в условиях

современного мира человек действительно превращается в творца, «автора» собственной жизни, а мера его включенности в бытие становится показателем его личностной зрелости.

Трансформация традиционной парадигмы «личность — среда» ставит современную психологию перед необходимостью поиска методологических и исследовательских решений, релевантных задачам описания существования изменяющего человека в современном мире и его отношений с изменяющимся миром. Одним из возможных решений стоящих перед психологией задач является развитие идей ситуационного подхода.

Литература

1. Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York; London: McGraw-Hill Book company, inc., 1936.231p.
2. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.429 с.
3. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т.8, №40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
4. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru> ((дата обращения: 10.12.2015).
5. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.407 с.
6. Webster G. The person-situation interaction is increasingly outpacing the person-situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978-2007 // Journal of Research in Personality. 2009. Vol. 43. P. 278-279.
7. Леонтьев Д.А. Восхождение к экзистенциальному миропониманию // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. М.: Смысл, 2007. С. 3-12.
8. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В.В.Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 618 с.

9. Знаков В. В. Психология человеческого бытия: проблемы и перспективы // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 252-272.
10. Знаков В. В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16-29.
11. Петровский В. А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
12. Корнилова Т.В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010. 334 с.
13. Гришина Н.В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
14. Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012а. Т. 5, № 24. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2015).
15. Гришина Н. В. Ситуационный подход к анализу и разрешению конфликтов // Вести. С.-Петербург. ун-та. Сер. 16. 2012б. Вып.3. С. 3-7.